

МАРИЯ ЦУРА

A woman in a white wedding dress and veil is seen from behind, walking up a wide set of stone steps. She is positioned in the center of a long, sunlit corridor with high, arched ceilings and stone pillars. The warm sunlight creates a strong glow and long shadows, emphasizing the architectural details and the flowing fabric of her dress. The overall mood is romantic and ethereal.

НЕВЕСТА
И
СКОРПИОН

Мария Цура
Невеста и Скорпион
Серия «Египетские тайны:
приключения Ксантии
и Глафиры», книга 3

*<https://litres.ru/73794402>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В Арсиное, древнем египетском городе, готовится грандиозная свадьба. Архифалакит Соген, начальник полиции нома, наконец-то женится на прекрасной певице Теодоре. Но накануне торжества происходит нечто ужасное: во время девичника исчезает невеста, а вместе с ней жена стратега. На дне затопленного двора находят тело молодой девушки Елены.

Племянница архифалакита Глафира и её блистательная подруга Ксантия погружаются в пучину интриг, где каждый подозреваемый имеет свой мотив. Кто стоит за этими преступлениями? Ревнивая соперница, охваченный манией убийства сумасшедший, отвергнутый поклонник или забытая тень прошлого, неотступно следующая по пятам?

Захватывающий детектив, где древние традиции Египта переплетаются с греческой мудростью, любовь соседствует с предательством, а жажда власти с жаждой мести.

Содержание

Глава 1	6
Пролог	7
Глава 1. Победа, обернувшаяся поражением	10
Глава 2. Мертвый скевопой	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мария Цура

Невеста и Скорпион

Глава 1

*«Мы стремимся собрать тысячу бесполезных сведений:
мы спрашиваем, кто были дедушка и бабушка невесты;
мы заставляем выкладывать приданое на стол,
чтобы особый оценщик проверил,
хорошей ли пробы серебро,
которое не пробудет в доме и пяти месяцев,
а о качествах той, которая будет жить подле нас всю
жизнь,
мы и не думаем осведомиться».*
(Менандр «Брюзга»)

Пролог

Мемфис, 64 г. до н. э.

В сердце двенадцатилетнего Имхотепа пряталась целая оркестра, о существовании которой он не подозревал, пока по соседству не поселилась девочка по имени Исет. Когда она появлялась, внутри него начинали бить барабаны, отдаваясь стуком в висках. Она подходила ближе – и тут вступали кимвалы, раскатываясь медным звоном, а звук ее голоса сопровождался сладкими и болезненными стонами арфы.

Сейчас девочка вышла из своей убогой покосившейся хижины, гордо прижимая к груди набор для письма: стило и восковую табличку. Ее тонкие черные косички рассыпались по худеньким плечикам. Домотканый серый хитон из толстого полотна висел мешком, но все равно она была прекраснее всех на свете.

- Эй, очнись, - друг толкнул Имхотепа вбок. – Я говорю, отец начнёт представление, когда городская стража отобьёт четвертый час, ты понял? Мы должны уже быть там. Ты следишь с крыши, я срезаю кошельки.

- Ага, - отозвался Имхотеп, не услышав ни единого слова, ибо девочка направилась прямо к нему, и каждый ее шаг сопровождался пронзительным завыванием авлоса. – Анхсен, подожди меня дома, а? Нужно кое с кем поговорить.

Анхсен выплюнул травинку и окинул девочку взглядом,

полным нескрываемой враждебности.

- Ясно. Давай быстрее, - буркнул он и скрылся за плетеной калиткой, огораживающий крошечный дворик, в который кое-как втиснулись три глинобитных дома с тростниковыми крышами.

Исет робко поглядывала на него, ожидая, пока он уйдет, а потом сказала Имхотепу:

- Здравствуй, - прозвеневшее, как серебряные струны псалтерия.

- Куда ты идешь? – спросил он, стряхивая с себя оцепенение, в которое его вогнал этот завораживающий голосок.

- В школу при асклепионе, - весело объявила она. – Там бесплатно набирают детей бедняков. Там хорошо. Учитель-грек такой строгий, но все равно добрый – после урока он раздает нам лепешки с медом. Я уже знаю греческие буквы и скоро выучу все травы – это ужасно интересно! А еще я подружилась с другими девочками. Хочешь пойти со мной?

- Я...я не могу, - выдавил он, и ему показалось, что сердце разрывается на части. Как было бы здорово учиться вместе с ней читать и писать, а потом лечить людей, как старая знахарка Тисети – самый уважаемый человек в Грязном квартале.

- Почему?

- Я должен помогать Анхсену и его отцу – они подобрали меня с улицы, позволили жить в их доме. Моя мать умерла в прошлом году, а отца я никогда не видел.

Улыбка сошла с лица Исет, но выражение печали сделало ее еще красивее.

- Но ведь стать лекарем очень почётно! Никто из нас и надеяться на такое не смел! – она взяла его за руку, и прикосновение моментально отозвалось бронзовым треньканьем колокольчиков. – Просто счастье, что рехит нужны ученики. Она принимает и мальчиков, и девочек. Поговори со своим названным отцом, мне кажется, он обрадуется.

- Я попробую, - пообещал Имхотеп, и Исет вновь улыбнулась.

Её тонкие пальчики осторожно прикоснулись к его щеке.

- У тебя тут ресничка, - смущенно пояснила она. – Я убе-
ру.

Ради этого мгновения мальчик готов был полностью лишиться и бровей, и ресниц. Исет стояла так близко, что он чувствовал запах голубого лотоса, вплетённого в ее косы. Все музыкальные инструменты, помещавшиеся в его личной оркестре, грянули разом, ослепляя и оглушая.

А потом что-то больно стукнуло его в лоб, рассекая кожу. Исет вскрикнула. Сквозь пелену слёз Имхотеп разглядел Анхсена с рогаткой в руках – злого и испуганного, застывшего на пригорке в зарослях тамариска.

- Я не хотел! – крикнул он и побежал к ним. – Я не хотел попасть в тебя! Я целился в неё.

Глава 1. Победа, обернувшаяся поражением

Арсиноя, 53 г. до н. э.

9-й день растущей луны месяца панемос (9 июня)

До разлива Нила оставалось не больше двух-трех недель, и утопающие в садах усадьбы на юге Арсинои выглядели великолепно. В воздухе, напоённом сухой, пряной свежестью, кружили паутинки: ещё не наступила изнуряющая жара, но уже чувствовалось приближение паводка.

Солнце стояло высоко, заливая золотистым светом видневшиеся вдали пустые поля и виноградники. В безоблачном, пронзительно-лазурном небе порхали голуби и сытые, счастливые воробьи.

Белокаменные заборы обвивали розы всех возможных оттенков красного. Вокруг них жужжали неутомимые пчелы и крупные иссиня-черные жуки. Маленькие пруды у домиков привратника окружали еще не распустившиеся бледно-желтые лотосы.

По дороге, ведущей к центру города, понуро брел начальник полиции нома Соген, ведя под уздцы гнедого жеребца. Сапоги мужчины безжалостно давили мелкие цветочки мандрагоры, пробившейся сквозь колею.

- Что за паршивый день, - пожаловался он своему коню.
- Стратег, чтоб ему подпрыгивать на каждой кочке, поперся

в Гермополь на какое-то небывалое театральное представление! Вернется недели через две, не раньше. Глафира тоже застряла в забытой богами дыре в Нижнем Египте – пытается вытащить из тюрьмы недотепу-архитектора. Да еще эта сумасшедшая ткачиха пристала, как репей к бороде – излови убийцу её мужа, и хоть трава не расти! А как я его найду? Труп несколько дней валялся в канаве у городских ворот, пока о нём не сообщил не в меру добропорядочный еврей. Ни свидетелей, ни оружия! Опять всё идет к отмене свадьбы, но на этот раз я её не отменю! Вот так!

Его рука описала дугу, словно он решительно отрубал всякие возражения, да и застыла в воздухе, потому что кто-то расхохотался.

- С конём спорит, - донеслось до него, и Соген покраснел до самых ушей.

Только сейчас он заметил людей у оливковой рощи: тощие лысые рабы в набедренных повязках орудовали лопатами, синхронно разбрасывая в стороны комья чёрной земли. Трое надсмотрщиков в туниках до колена попивали холодное пиво, передавая друг другу запотевший глиняный кувшин и похохатывая.

Соген решительно зашагал к ним, и смех оборвался. Очевидно, они рассмотрели его белый плащ с синей каймой по краю и застёжкой с профилем Птолемея XII.

- Кто тут главный? – бросил Соген, опустив приветствие. – Я архифалакит Арсинойского нома!

Компания надсмотрщиков молча расступилась, и Соген увидел молодого человека в оранжевом калазирисе, уткнувшегося в широкий развёрнутый папирус. Его парик, завитый на египетский манер рядами мелких кудряшек, съехал набок, а за ухом торчал свинцовый карандаш.

- Здравствуй, почтенный, - пробормотал молодой человек, не отрываясь от свитка.

- Что это вы тут копаете? – взвизгнул Соген так, что все вздрогнули. Когда он злился, его голос брал высоты, недоступные даже евнухам из царского хора.

- Каналы, - ответил юноша и показал план, начерченный на папирусе. – Чтобы направить воду на дальние поля.

- Вздор! Кто вас надоумил? – он яростно ткнул пальцем в чертёж. – Здесь и здесь – дороги к городу, по ним каждый день езжу я и наш почтеннейший стратег.

- Тут есть объезд...

- Предлагаешь *мне* искать объезд? Кто ты и как твое имя?

- Я гидротопос – распорядитель ирригационных работ, меня зовут Хеджу, - ответил юноша слегка растерянно, но спокойно.

Это ещё больше взбесило Согена, и он заорал, притопывая левой ногой и брызгая слюной:

- Немедленно убирайтесь! Пошли вон! Всех арестую и выпорю, всех!

- Но план согласован с господином стратегом, он лично...

- Чушь! Он бы не позволил перерывать дорогу. Копайте вон

там, вдоль виноградников.

- Но так нельзя, - терпеливо объяснял Хеджу. – Арсиноя не похожа на другие города, она находится рядом с озером, тут повсюду подземные воды, если мы устроим каналы в неправильных местах, разлив Нила нас затопит!

- Думаешь, меня это волнует?! – заорал Соген, потеряв остатки самообладания. В этот крик он вложил всё: обиду на неотёсанных надсмотрщиков, осмеявших его, злость на родственников, легкомысленно относившихся к самому важному событию в его жизни, усталость от сотен ежедневных жалоб и просьб о расследовании преступлений, досаду на начальника, отбывшего смотреть какое-то дурацкое представление и свалившего на него все дела. А ещё он был влюблён в Теодору – самую прекрасную женщину на земле, на которой всё никак не мог жениться, и в нём развилась какая-то безумная подозрительность, что вся Арсиноя плетёт заговоры и ставит препятствия, лишь бы не допустить их брака.

Он и сам понимал, что ведёт себя глупо и несправедливо, и от того распалялся ещё больше. В конце концов, гидротопос сдался и приказал своим людям собирать лопаты, заступы и кирки.

- Я иду к стратегу, - заявил он с достоинством.

- Вперёд, - ехидно подбодрил архифалакит, прекрасно зная, что Диофана не будет ещё очень долго.

Арсиноя, 53 г. до н. э.

*3-й день растущей луны месяца лойос (3 июля),
утро*

Соген впервые за много дней лёг спать со спокойной душой и прекрасно отдохнул. Стратег Диофан вернулся раньше, чем предполагал, поскольку поссорился со своим коллегой – начальником Гермопольского нома, и не смел больше злоупотреблять его гостеприимством. Племянница Глафира прибыла вчера из Летополя вместе со своей подругой. А долгожданная свадьба должна состояться сегодня, и будь он проклят, если позволит кому-то её сорвать, даже если на пути встанет сам Серапис.

Сквозь сон Соген слышал приглушённые крики и шум. Ему снилось, что они с Теодорой плывут по Нилу в ладье, украшенной цветочными гирляндами, а друзья осыпают их зерном на счастье. И только его мать Лидия почему-то кричит:

- Мы тонем, мы тонем, о боги, всё в воде!

Он открыл глаза. Лучи солнца падали на медную подставку для свитков в виде павлина, и она казалась золотой. На сундуке его уже ждал чистый хитон, выглаженный рубелем и скалкой. Соген не стал звать раба: ему хотелось в одиночестве насладиться волнением и предвкушением. Сегодня ве-

чером Теодора войдет в этот дом, и они всегда будут вместе!

Никогда в жизни Соген так не влюблялся. Его старшему брату Лисимаху постоянно кто-то нравился: то таинственная незнакомка с рынка, которую он видел не дольше пяти минут, то замужняя соседка, чей локон он попытался незаметно срезать на пиру и был с позором пойман. Соген же не мог очароваться внезапно, он ждал, чтоб сначала полюбили его.

Видят боги, как ему этого не хватало. Родители вечно носились с Лисимахом, потом с его дочерью Глафирой. Друзья у Согена появились, лишь когда он стал начальником полиции нома. До Теодоры его по-настоящему ценили только два существа: кошка, которую он забрал из храмового приюта ещё котёнком, и конь, подаренный матерью в день его вступления в должность.

Соген отбросил тонкое льняное покрывало и медленно оделся, наслаждаясь свежим запахом выстиранной ткани и с удовольствием разглядывая себя в большое овальное серебряное зеркало. Худоват, пожалуй, и лицо несколько вытянутое, но определенно симпатичное. Он закрепил хитон фибулой с меандрами и удовлетворённо хмыкнул.

- Сегодня будет славный денёк, приятель, - посулил он отражению.

Но стоило спуститься на первый этаж, и хорошее настроение испарилось, как роса с кактуса. Большой зал для пиров и приёма гостей, а также библиотека и коридоры утопали в мутной воде, доходившей до пояса рабыням, пытающимся

спасти бесценные книги.

Мать Согена металась между ними, причитая и прижимая к сердцу скамеечку для ног:

- Боги, боги, боги, всё залило!

- Бабушка, успокойся, полки для книг намного выше воды, ни одна не пострадала, - из недр библиотеки показалась рыжая кудрявая голова Глафиры. – Но вот некоторые документы и расписки промокли.

- Ай, горе мне! – зарыдала Лидия. – Где мой бальзам? Где сердечные капли? Немедленно несите сюда, бездельницы!

Согену показалось, что он превратился в соляной столп, как жена Лота, о которой рассказывал его приятель-еврей. Он стоял и наблюдал потоп, не в силах что-либо сказать или сделать. Проклятый гидротопос всё-таки последовал его совету и вырыл каналы не там, где изначально планировалось. И винить в этом можно только самого себя.

Глава 2. Мертвый скевопой

Арсиноя, 53 г. до н. э.

*3-й день растущей луны месяца лойос (3 июля),
полдень*

Итак, по милости Согена, не сумевшего совладать с дурным настроением, город затопило. Где-то вода поднялась на два локтя, где-то – на три с лишним, так что достала бы до груди высокому мужчине. Жители двухэтажных домов перебрались в комнаты наверху, менее счастливые обладатели одноэтажных хижин довольствовались плоскими крышами – туда же пришлось тащить животных. Вместо лошадей, ослов и мулов, улицы заполнились лёгкими лодками, связанными из стеблей папируса.

Не стал исключением и скрипторион – специальное помещение при полиции нома для осмотра трупов. Из-под воды выглядывал только высокий каменный стол, на котором лежало забальзамированное тело лысого мужчины с фиолетовыми следами колотых ран. Рядом с ним, поджав ноги, сидели лекарь Никандр и его гостя Ксантия – точно две чайки на морской скале.

- Прекрасный удар. Прямо в печень, - заметил Никандр.
– Убийца подошёл к нему вплотную, нож не метнули с расстояния, тут виден размах руки сверху вниз.

- Ты говоришь, его нашли в начале прошлого месяца? –

нахмурилась Ксантия, рассматривая мертвеца.

Она тут же представила картину: толчея у городских ворот, часть людей пропускают, у кого-то проверяют разрешение на выезд из другого нома, очередь движется медленно, вокруг полно скучающих и любопытных детей. Кто-нибудь обязательно заметил бы момент убийства, если бы вспыхнула открытая ссора или драка. Раз этого не произошло, значит, преступник подобрался к жертве незаметно. Возможно, со стороны казалось, будто приятели разговаривают, и один из них так пьян, что падает.

- Да, а до того он ещё дней десять провалялся в канаве. Люди потеряли всякий стыд и жалость, никто не убедит меня, что труп просто не заметили, как бы ни так! Не захотели возиться с ним и связываться со стражей – вот, что я скажу! – возмутился Никандр и яростно почесал ручкой скальпеля уцелевший клочок седых волос на виске. – Только у торговца-еврея хватило совести прийти в фалакитон и заявить о найденном теле.

Ксантия не стала отвечать на эту мысль и удивилась той необычной мрачности, в которую впал лекарь. Раньше он постоянно улыбался и отпускал шуточки, так что порой его обвиняли в неуважительном отношении к смерти, а теперь подходил на статую Зевса в Олимпии: угрюмое лицо, сдвинутые к переносице брови и недовольство всем родом человеческим.

- Кем он был? – спросила Ксантия, указывая на мертве-

ца. Бальзамирование лишило его всякой индивидуальности, способной навести на мысль о статусе или роде занятий. Кажется, при жизни он был полным, сейчас же желтая кожа обвисла, как опорожнённый бурдюк.

- Скевопоем – делал маски и костюмы для театра. Его звали Фронион, он слыл сплетником и выдумщиком. Дважды жена приводила его ко мне, чтоб я записал побои, нанесённые ему разгневанными соседями. В первый раз он оболгал чью-то дочь, сочинив, что у неё есть тайный жених, а во второй распустил слух о колдовстве, которым якобы занимается тёща кожевника.

- Откуда же он шёл?

- Театральное товарищество отправило его в Александрию за новинкой – подъёмником с невидимыми тросами или чем-то вроде того, Фронион провел там три или четыре месяца, а потом вернулся. Однако при нём не было ни предмета, за которым его посылали, ни письма от театрального распорядителя, ни денег, ни чего-либо ещё. Наверное, его ограбили. Вдова требует найти убийцу, Соген пытался отказать ей, но я вызвался сам выполнить её просьбу, пока архифалакит занят своей свадьбой. Всё равно он ни о чем другом не может думать.

Последняя фраза прозвучала презрительно и недобро, Ксантия в очередной раз подивилась переменам, произошедшим с этим милым стариком, но вслух сказала:

- Знаешь, мы с Глафирой уже сталкивались с похожим

убийством: актёра зарезали у городских ворот, и звали его Фокион – весьма похоже. Странное совпадение. Если бы мы не поймали того душегуба, я бы заподозрила, что это его рук дело. У вас, случайно, не ставят трагедию Солония?

- О, нет, - фыркнул лекарь. – У нас никогда не показывают ничего новомодного: Менандр, Эсхил, Еврипид – бессмертная, проверенная временем и одобренная царём классика. А что до убийств у городских ворот Раз или два в неделю стражники подбирают трупы прямо с дороги. Их просто хоронят на полях мертвецов, виновников никто не ищет, если только не объявится бойкий родственник вроде вдовы скевопо. Фрониону не повезло – дозорные не видели его, он лежал в зарослях лопуха и терновника. Говорю же, у людей не осталось ни стыда, ни жалости.

К распахнутой настежь двери скрипториона медленно подползала лодка. Чернокожая рабыня в короткой тунике направляла её шестом, а Глафира смирно сидела внутри, притянув колени к подбородку. Её рыжие кудряшки опутывал узкий тёмно-синий шарф с сеткой, такого же цвета хитон, казалось, соткан из облака – настолько тонкой была ткань. Служанка умело подвела её голубые глаза кохлом, отчего они стали ещё ярче.

На Ксантию нахлынуло полузабытое чувство вины. Вот, кем должна оставаться Глафира – богатой наследницей ткацких мануфактур. Носить красивую одежду, которая так ей идёт, веселиться на праздниках, а не таскаться вслед за Ксан-

тием по Египту в поисках неприятностей.

- Глафира! – воскликнул Никандр с возмущением. Он не признавал рабства, сам не владел невольниками и требовал того же от своей ученицы.

Девушка смутилась, и её веснушчатое лицо залилось розовым румянцем.

- Я так и не научилась править лодкой, - пробормотала она в оправдание. – Ой, вы уже осмотрели труп? Без меня?

- Да сколько же можно тебя ждать? Я надеялся, что ты явишься пораньше и поможешь нам спасти тела из воды, - лекарь взмахнул руками, указывая на ряд наскоро связанных плотов, плавающих под полками с лекарствами и инструментами. На них покоились грубо вырубленные саркофаги из самой дешёвой древесины.

- Прости, - Глафира покраснела ещё сильнее. – У нас тоже потоп, бабушка распереживалась, ведь сегодня дядина свадьба, а зал для пиров

- Всё это глупости, - перебил Никандр. – Пустая суета!

- Довольно! – оборвала его Ксантия. Он был старше и отличался упрямством, но она в своё время отдавала приказы целым армиям, так что могла, когда нужно, добавить в голос властных нот. Старик замолчал и принялся собирать в футляр скальпели и щипцы.

- Я могла бы потихоньку улизнуть со свадьбы, - неуверенно предложила Глафира. - Мне всё равно не хочется на девичник к Теодоре.

- И не думай, - мягко ответила Ксантия. – Будет весело, вот увидишь. Ты наконец-то сможешь надеть свои новые серьги и поболтать с другими девушками о чем-нибудь приятном, а не о трупах и убийствах.

- Ты точно не хочешь присоединиться? Соген обрадуется, и бабушка тоже.

Ксантия покачала головой. Она сильно сомневалась, что чопорная и высокомерная Лидия придет в восторг от её появления.

- Тогда увидимся завтра, - Глафира сжала её руку. – С утра я сразу примчусь к вам. Только не начинайте расследование без меня!

- Ни за что, - заверила Ксантия.

*3-й день растущей луны месяца лойос (3 июля),
полдень*

Итак, по милости Согена, не сумевшего совладать с дурным настроением, город затопило. Где-то вода поднялась на два локтя, где-то – на три с лишним, так что достала бы до груди высокому мужчине. Жители двухэтажных домов перебрались в комнаты наверху, менее счастливые обладатели одноэтажных хижин довольствовались плоскими крышами – туда же пришлось тащить животных. Вместо лошадей, ослов и мулов, улицы заполнились лёгкими лодками, связанными из стеблей папируса.

Не стал исключением и скрипторион – специальное помещение при полиции нома для осмотра трупов. Из-под воды

выглядывал только высокий каменный стол, на котором лежало забальзамированное тело лысого мужчины с фиолетовыми следами колотых ран. Рядом с ним, поджав ноги, сидели лекарь Никандр и его гостя Ксантия – точно две чайки на морской скале.

- Прекрасный удар. Прямо в печень, - заметил Никандр. – Убийца подошёл к нему вплотную, нож не метнули с расстояния, тут виден размах руки сверху вниз.

- Ты говоришь, его нашли в начале прошлого месяца? – нахмурилась Ксантия, рассматривая мертвеца.

Она тут же представила картину: толчея у городских ворот, часть людей пропускают, у кого-то проверяют разрешение на выезд из другого нома, очередь движется медленно, вокруг полно скучающих и любопытных детей. Кто-нибудь обязательно заметил бы момент убийства, если бы вспыхнула открытая ссора или драка. Раз этого не произошло, значит, преступник подобрался к жертве незаметно. Возможно, со стороны казалось, будто приятели разговаривают, и один из них так пьян, что падает.

- Да, а до того он ещё дней десять провалялся в канаве. Люди потеряли всякий стыд и жалость, никто не убедит меня, что труп просто не заметили, как бы ни так! Не захотели возиться с ним и связываться со стражей – вот, что я скажу! – возмутился Никандр и яростно почесал ручкой скальпеля уцелевший клочок седых волос на виске. – Только у торговца-еврея хватило совести прийти в фалакитон и заявить о

найденном теле.

Ксантия не стала отвечать на эту мысль и удивилась той необычной мрачности, в которую впал лекарь. Раньше он постоянно улыбался и отпускал шуточки, так что порой его обвиняли в неуважительном отношении к смерти, а теперь подходил на статую Зевса в Олимпии: угрюмое лицо, сдвинутые к переносице брови и недовольство всем родом человеческим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.